

Соотношение права и нравственности в психологической теории права Л.И. Петражицкого

И.В. Поснов

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье анализируется соотношение права и нравственности в психологической теории права Л.И. Петражицкого. Автор рассматривает методологические проблемы определения "права" и "нравственности", раскрывает их понятия с точки зрения "эмоциональной психологии" Л.И. Петражицкого и делает вывод, что право и нравственность – явления индивидуальной психики, которые социальны по происхождению.

Abstract. The paper analyses correlation between right and morality in the psychological theory of right of L.I. Petrazhitzky. The author has considered the methodological problems of concepts "right" and "morality" and has revealed the concepts from the point of view of "emotional psychology" of Petrazhitzky. The conclusion has been made that right and morality – phenomena of individual psychology which are social by origin.

1. Введение

Л.И. Петражицкий являлся одним из самых оригинальных мыслителей в истории российской философии права. Расцвет его творчества пришелся на первые десятилетия XX в., когда Россия переживала своеобразный духовный, в том числе философско-правовой, ренессанс. Этот яркий период в истории отечественной юридической и философской мысли связан с возрождением в правоведении идеализма, с реабилитацией естественного права и моральных ценностей.

Петражицкий является основателем и одним из самых ярких представителей психологического направления в праве. Творчество этого философа права – существенный раздел философско-правовой мысли России. Его психологическая теория права шла вразрез с господствующим течением, но в силу своей неординарности, цельности и в чем-то даже эпатажности – она приковывала всеобщее внимание и достойно противостояла как целой школе т.н. "неоидеалистов", так и их оппонентам: сторонникам социологического правоведения, с одной стороны, и защитникам правового этатизма – с другой. Она явилась мощным толчком, стимулирующим развитие российской правовой мысли. Многие ее идеи были усвоены за рубежом, и не случайно большинство западных исследователей называют имя Л.И. Петражицкого в пятерке наиболее выдающихся юридических умов России.

К сожалению, психологическое направление в праве в последние годы практически не развивалось и до сих пор остается наименее изученным.

Попытки вывести право из ограничительных рамок формально-догматического его понимания – одна из ощутимых тенденций осознания не только содержания юридической формы, но и ценностных аспектов права. Вопросы мотивационного и культурно-воспитательного воздействия права все чаще становятся предметом обсуждения как в философии и теории права, так и в специальных юридических науках: криминологии, криминалистики, судебной психологии.

Глубинное основание теории Петражицкого заключается в обнаружении реальности права, т.е. каким оно видится конкретной личности, чьи психологические мотивации своего социального воспроизводства с неизбежностью базируются на целой гамме предустановок: экзистенциальных, индивидуальных, групповых, общественных. В зависимости от ценностной ориентации индивида право в жизни личности может занимать либо доминирующее, либо ничтожное место. Российское общество в целом тяготеет к последнему варианту ценностной ориентации, можно сказать, к правовому нигилизму. Прошедшее столетие только подтверждает эту установку личности. В условиях реформ в России, когда официально заявлено о востребованности права, российский гражданин не ценит право, т.к. он его не привык ценить. Личностно право воспринимается по преимуществу как чужая ценность, как ценность для власти, а не для отдельного человека. И он по-прежнему считает, что его право как не обеспечивалось, так и не обеспечивается.

Право у Л.И. Петражицкого начинается не с исполнения обязанностей "посторонними лицами", а с "самих обязанных" (Петражицкий, 2000). Это и является фундаментом, на котором может быть построено здание правовой культуры, прочного и стабильного правопорядка. Концепция ученого есть в известном смысле оригинальная методология опредмечивания встречи нормы законодательства и того, кому эта норма адресована, т.е. встреча внешнего с внутренними установками личности. Большое значение это приобретает сегодня, когда плюрализм, диалогичность, компромиссность,

конвенционализм размывают реальность права, т.е. того, как она нравственно мотивируется личностью.

Концептуально оформленная психологическая теория права Петражицкого должна рассматриваться не только с исторической точки зрения, но с позиции современности: политико-правовые школы в последние годы фиксируют эмоциональную (психологическую) поддержку большинства как неотъемлемое свойство власти и правовых норм. Демократические выборы органов власти, борьба конституционными средствами за лояльность большинства граждан выявили зависимость этих процессов от состояния индивидов, переживающих эмоции агрессии, страха, доверия, симпатии. Вот почему природа эмоции и ее роль в бытии государственной власти привлекает внимание государственных, политических деятелей, идеологов политических программ.

2. Методологические проблемы определения понятий "право" и "нравственность"

Главной работой Л.И. Петражицкого была "Теория права и государства в связи с теорией нравственности". Поэтому, раскрывая и обосновывая понятия "государства" и "права", ему было необходимо дать ответ, что такое нравственность и мораль, как они соотносятся с правом и как существуют в государстве.

Приступая в обоснованию своей теории права, Петражицкий отмечает, что она не имеет никакого отношения к юридическому позитивизму и нормативной теории права: "наши определения правовых обязанностей, прав, норм права, и т.д. отнюдь не представляют определения того, что юристы привыкли относить к праву, считать правовыми обязанностями, правовыми нормами и т.д." (Петражицкий, 2000).

При господстве понимания права как нормативного должностования, устанавливаемого волей государства, нормы права являются "веляниями" и "запретами", обращенными к "подчиненному праву". Они же определяют образ правоотношений между субъектами, их обязанности и права. Все это влечет за собой ряд не разрешенных по существу проблем, в частности, о природе соответствующих мнимых реальностей. Они решаются путем различных правовых фикций, например, когда за данность принимаются различные несуществующие "воли", "общая воля", "единая воля" государства, "общее признание" и т.п. Не ушли в прошлое эти фикции и в современной отечественной философии права. Нормы права, "совокупность норм права", как отмечает Л.И. Петражицкий, юристы называют объективным правом, или правом в объективном смысле. Правоотношения между субъектами, их обязанности и права (принимаемые за три отдельные вещи) – субъективным правом, или правом в субъективном смысле. Таким образом, можно говорить о двух различных видах права. "Теоретикам следовало бы, по-видимому, попытаться определить природу права простого, т.е. рода, обнимающего и объективное, и субъективное право. Но этого не делается; установилась...традиция отождествлять проблему определения права с задачей определить природу объективного права, т.е. норм права (так что "субъективное право играет роль логически ненормального привеска к "объективному праву", чего-то вроде второй разновидности неизвестного или несуществующего рода) (Петражицкий, 2000). На современном этапе развития отечественной философии права положение в части определения самого права не изменилось. При всех терминологических изысках суть права остается прежней, как и сто лет назад, мы недалеко ушли от позитивистской теории права. Конструкция правоотношения по-прежнему поглощена объективным правом, а механизм реализации права предполагает реализацию исключительно закона. В том числе основой права является защита права, но никак не воспитание субъекта права в соединении с правовыми формами и соответствующей культурой общества и прав человека.

Несмотря на многовековые попытки определить право и нравственность, которые вполне справедливо можно отнести к специфическим чертам человеческого духа, они и по сей день остаются "неразрешенными загадками", и, как отметил Петражицкий, "сфинкс существа права остался и по сей день сфинксом. Ни одно из бесчисленных предложенных определений права не получило санкции науки и не признано общим фундаментом для возведения научного здания. Ни одно из них не сделалось даже "господствующим мнением" (1899). Еще в своих первых работах ученый отмечает, что "определение существа права есть не только первая, но и основная, существенная задача науки права" (Петражицкий, 1899). С ним в этом полностью соглашается Е.Н. Трубецкой: "сомнения в возможности удовлетворительно определить право были высказаны не раз весьма авторитетными учеными (достаточно назвать Савиньи, Меркеля, Бергбома)" (Трубецкой, 2001).

По мнению Петражицкого, обстоятельствами препятствующими познать истинную природу права и нравственности были, во-первых, недоразумения относительно сферы нахождения правовых (и нравственных) явлений; во-вторых, отсутствие надлежащей научной методологии и применение "негодных" для научных целей приемов мышления и исследования; в-третьих, неудовлетворительное состояние традиционных и господствующих учений психологии (Петражицкий, 1905).

Критикуя существовавшие в науке воззрения на существо права, Петражицкий подходит к

решению проблемы о природе права и нравственности системно, в свете вышеуказанных "недоразумений". Ученый выясняет недостатки методологии, имеющейся в распоряжении юристов и моралистов, и строит свой метод исследования правовых явлений и образования общих понятий и теорий; вносит изменения или, точнее, перестраивает научное здание теоретической психологии, открывая четвертую и вместе с тем основную категорию элементов психической жизни – эмоции, в их отличительном от существовавшего в психологии смысле. И, наконец, на основе эмоциональной психологии строит новую теорию этических, т.е. правовых и нравственных явлений.

Психологическая теория права принципиально отличается от традиционных воззрений в области юриспруденции, тем, что проливает новый свет на явления права и нравственности, раздвигая научный горизонт, намечая новые темы для новых исследований, и служит прекрасной базой для создания новой науки "политики права".

По мнению Л.И. Петражицкого, в основе традиционных учений о существовании права и нравственности лежит недоразумение относительно сферы нахождения этих явлений и незнание надлежащего метода их изучения. Под влиянием известных психических процессов (моторных возбуждений, эмоций) особый вид которых лежит в основе права и нравственности, мы можем мнимо представить существующие во внешнем мире различные, но там не существующие объекты. За реальность принимается то, что представляется существующим в мире, внешнем по отношению к переживающим такие процессы объектам. Такими мнимыми объектами внешнего мира и являются права, обязанности и нормы в учениях большинства юристов и моралистов. Действительно же реальные (правовые и нравственные) феномены, психические переживания, порождающие указанные представления, скрыты от взоров науки. В соответствии с этим для изучения конкретных правовых и нравственных явлений применяются ненадлежащие методы.

Основными методами изучения права и нравственности и их элементов в связи с их психологической природой у Петражицкого являются:

1) Самонаблюдение (простое и экспериментальное), "надлежащим и единственно возможным приемом наблюдения правовых явлений следует признать метод самонаблюдения, интроспективный метод" (*Петражицкий, 1905*). Причем под экспериментальным методом следует понимать "наблюдение, осложненное умышленным воздействием на подлежащие наблюдению явления, применением особых средств для их вызова, изменения или прекращения" (*Петражицкий, 1905*).

2) Соединительный метод (простого и экспериментального) внутреннего и внешнего наблюдения. Что касается данного метода, Л.И. Петражицкий указывает на возможность и научную основательность предположений относительно чужих психических переживаний не только в форме умозаключений по аналогии наших и чужих индивидуальных движений, а в форме дедуктивных умозаключений в конкретных случаях из общих индуктивно добытых положений о внешних проявлениях известной категории психических переживаний путем подведения конкретных чужих движений под соответствующие положения (*Петражицкий, 1905*).

"В основе науки о праве... лежит существенное недоразумение относительно того, в какой сфере можно найти и наблюдать правовые явления и как их следует изучать" (*Петражицкий, 1905*). Кроме того, по мнению Петражицкого, юристы и моралисты пытаются найти и определить понятие права, используя ненадлежащие методы изучения правовых явлений, ненаучные приемы образования понятия права и других общих понятий, в связи с чем заходят в методологический тупик. "Обыкновенно полагают, что для образования понятия права следует обозреть правовые явления, сравнить их друг с другом для отыскания общих всем им признаков и затем сравнить их с другими, главным образом, сродными явлениями, для выбора из найденной суммы таких общих признаков, которые были бы вместе с тем и отличительными для правовых явлений" (*Петражицкий, 1905*). Но такой прием, рекомендуемый логиками и методологами, по самой природе общих (классовых) понятий и классов невозможен, т.к. невозможно обозреть все объекты какого-либо класса, а тем более все объекты схожих классов. Допуская возможность выполнения такой работы, ученый утверждает, что и тогда этот прием не выдерживает критики, т.к. до отыскания общих и отличительных признаков какого-либо класса явлений нет еще критерия для подбора одних предметов, как относящихся к определяемому классу, а других – как относящихся не к этому, а к иному классу. Если же приступать к данной работе с "предвзятым мнением относительно признаков данного рода явлений", то рекомендуемый прием "сводится к легкому торжеству нахождения и доказательства наличности того, что было припасено для нахождения" (*Петражицкий, 1905*). Но юристы не занимаются подобными операциями, и при установлении общего понятия права исходят из сложившихся стереотипов, причем используя терминологию не общепонятного языка, а профессионально-юридического словоупотребления.

Наука у Л.И. Петражицкого должна быть независимой от каких бы то ни было "привычек называния"; она должна "стать на почву научно-самостоятельного образования классовых понятий и

классов". С его точки зрения, для образования классового понятия "не требуется обозрения всевозможных объектов их для констатирования наличности каких-либо всем им общих признаков", "не требуется также исполнения еще более невозможной работы обзора прочих, хотя бы только сродных, объектов для нахождения отличительных, у всех прочих объектов отсутствующих, признаков", "для этого не нужно даже подвергать что-либо конкретное осмотру или изучению" (*Петражицкий, 1905*). "Откуда бы и по какому бы поводу нам ни пришли в голову представления каких-либо свойств, признаков, мы можем возвести их в классовые признаки и образовать, таким образом, классовые понятия и классы" (*Петражицкий, 1905*). Такой способ исключает не только возможность всяких "порочных кругов", но и необходимость доказывания общности и отличительности классовых признаков.

К полученному таким образом классу должен быть особый подход при подборе имени. Здесь уже, как считает ученый, можно руководствоваться "привычками называния" и взять из существующего языка имена (термины), область применения которых совпадает с кругом объектов полученного понятия. В некоторых же случаях допустимо сочинить (изобрести) новое название (*Петражицкий, 1905*).

Однако далеко не все безукоризненные с общелогической точки зрения классовые понятия и классы могут иметь значение и ценность в науке как таковой. "Удовлетворяющими задачами научного познания и объяснения явлений следует признать такие классовые понятия и классы, относительно которых существуют или могут образованы адекватные научные теории" (*Петражицкий, 1905*), т.е. такие "в которых то, что высказывается (логические сказуемые, предикаты вместе с их основаниями), истинно именно относительно того класса объектов, о котором оно высказывается (мыслится)" (*Петражицкий, 1905*). Собственно последнему условию как раз не будут удовлетворять теории, высказываемые относительно классов, образованных в зависимости от профессиональных или иных специально-практических "привычек называния", так как такие классы представляют собой по существу дела сборные, эклектические группы, в которых разьединено однородное по своей объективной природе и объединено разнородное.

3. Понятия права и нравственности и их эмоциональная природа

Успешному изучению сущности права и нравственности в конце XIX – начале XX веков мешало не только отсутствие единой, надлежащей научной методологии, но и неудовлетворительное, с точки зрения Петражицкого, состояние современной ему психологии. Таким образом, применение "годных" для научных целей приемов мышления и исследования на почве тех понятий и учений, которые имелись в арсенале науки на стыке веков, не привело бы к правильному построению учения о праве и нравственности. "Приступая к научно-теоретическому исследованию каких-либо явлений, по отношению к коим существуют в такой или иной лингвистической сфере такие или иные привычки называния и имена, например, "право", "нравственность", "общество", "хозяйство", "государство" и т.п., следует принципиально исходить из возможности, что для научно-теоретических целей придется не только произвести иную группировку, иную классификацию явлений, но и отбросить существующие имена, хотя столь почтенные, как "право", "нравственность" и т.п., и создать для новых, образованных по началу адекватных понятий и классов новые имена в качестве научных терминов" (*Петражицкий, 1905*).

Элементарные психические процессы, которые являются главными составными частями права и нравственности, не известны науке психологии, по мнению правоведа. Они играют роль основного фактора психической жизни, которые определяют другие внутренние процессы, и внешнее поведение личности. Поэтому требовалась предварительная критика и реформа традиционной психологии, которая была произведена во "Введении в изучение права и нравственности".

Суть этой реформы сводится к признанию необходимости положить в основу психологии и ряда других наук, касающихся психических наук (наук о праве, нравственности, государстве, хозяйстве и т.д.), вместо традиционного "деления элементов психической жизни на три категории: 1) познание, 2) чувство, 3) воля" (*Петражицкий, 1905*) деление на:

1. двусторонние, активно-пассивные переживания, моторные раздражения – импульсии или эмоции;
2. односторонние переживания, которые делятся в свою очередь на:
 - односторонне-пассивные, познавательные и чувственные;
 - и односторонне-активные, волевые.

"Импульсии или эмоции играют в жизни животных и человека роль главных и руководящих психических факторов приспособления к условиям жизни; прочие односторонние элементы психической жизни играют при этом вспомогательную, подчиненную и служебную роль. В частности, именно эмоции исполняют функции побуждений к внешним телодвижениям и иным действиям (например, к умственной работе и иным так называемым внутренним действиям), вызывая непосредственно соответственные физиологические и психические процессы (импульсивные, или эмоциональные действия) или

соответственную волю (волевые действия)" (Петражицкий, 1905). Они, по мнению правоведа, являются истинными мотивами поведения и имеют двусторонний характер: пассивную сторону – своеобразное претерпевание, не сводимое к чувству или познавательным переживаниям, и активную – своеобразный позыв, отличный от волевых переживаний. А те психические процессы, которым "ходячие теории поведения" приписывают роль побуждений, в действительности или вообще отсутствуют, или имеют место в сознании, но никакой роли в мотивации поведения не играют, или, в третьем случае, играют лишь роль таких переживаний, которые вызывают те или иные эмоции, побуждающие к соответственному поведению.

На основании этого автор эмоциональной психологии приходит к конструированию трех типов мотивации:

1. чувственно-эмоциональная мотивация;
2. интеллектуально-эмоциональная мотивация, которая в свою очередь подразделяется на:
 - целевую;
 - основную;
 - объектную;
 - акционную;
3. чисто эмоциональная мотивация.

Последняя представляет "прототип мотивации и поведения в пример в мире и истории живых существ" (Петражицкий, 1905).

К интеллектуально-эмоциональной мотивации, а именно, к акционной, Л.И. Петражицкий отнес такие явления, как право и нравственность. Неудивительно, что это вызвало весьма неоднозначное отношение ученого мира к такой постановке вопроса. Критические отзывы ученых об "эмоциональной психологии" обнаруживают троякое отношение: одни всецело ее принимают (Дембский, 1909) или вносят поправки (Рейснер, 1908), другие отрицают (Виноградов, 1908; Орженецкий, 1908) и, наконец, третьи признают себя некомпетентными в вопросах психологии и ждут ответа от специалистов – психологов на возникшие вопросы (Хвостов, 1908; Палиенко, 1908; 1905).

Как мы уже отметили, проблема существа права и нравственности Петражицким решается на почве учения о мотивационных процессах. Отметим акционную или самодовлеющую мотивацию, в которой "роль познавательных процессов, возбуждающих эмоциональные процессы, побуждающие к разным положительным и отрицательным действиям (воздержаниям), играют самые образы поступков, представления подлежащих действий" (Петражицкий, 2000), так называемые акционные представления.

"Существование и действие в нашей психике непосредственных сочетаний акционных представлений и отвергающих или одобряющих соответствующее поведение, репульсивных или аппульсивных эмоций проявляется, между прочим, в форме суждений, отвергающих или одобряющих соответствующее поведение, не как средство для известной цели, а само по себе, например, "ложь постыдна", "не следует лгать", "следует говорить правду" и т.п." (Петражицкий, 2000). Эти суждения автор называет принципиальными практическими (т.е. определяющими поведение), или нормативными суждениями. Они противопоставляются, с одной стороны (по родовому признаку), теоретическим суждениям, которые не определяют поведения, а утверждают (или отрицают) наличность какого-либо объективного бытия, с другой стороны (по видовому признаку), – практическим, но не принципиальным, а теологическим, или целевым суждением.

По различию эмоционального элемента нормативные переживания делятся на эстетические и этические. Первые квалифицируют известное поведение как красивое или некрасивое, гадкое, безобразное; вторые – как должное, обязательное.

Необходимо отметить, что эмоции нормативных переживаний относятся к разряду бланкетных, или абстрактных, т.е. не предопределяющих не только частностей, но даже и общего характера и направления акций, и они могут служить побуждением к любому поведению. Специальные эмоции (голод, жажда) противопоставляются им в этом отношении. Они "имеют тенденцию вызывать определенное, специфическое, к ним специально природой приуроченное поведение, вообще определенные системы физиологических и психических процессов" (Петражицкий, 2000).

Эстетические эмоции переживаются не только в связи с акционными представлениями, но также в связи с представлениями и восприятиями разных других предметов и явлений. Эмоции, входящие в состав этических переживаний, отличаются следующими характерными свойствами (Петражицкий, 2000): во-первых, они имеют "своеобразный мистическо-авторитетный характер", осознаются исходящими "как бы из неведомого, отличного от нашего обыденного "я", таинственного источника", во-вторых, "как внутренняя помеха свободе, как своеобразное препятствие для свободного облюбования, выбора и следования нашим склонностям, влечениям, целям и как твердое и неуклонное давление в сторону того поведения, с представлением которого сочетаются соответствующие эмоции".

Под влиянием моторных раздражений (эмоций) субъект представляет во внешнем (окружающем) мире различные, но реально не существующие объекты, предметы, их свойства, положения и состояния, процессы и т.д. Например, в области эстетических и этических переживаний имеются представления требования от субъекта какого-то определенного поведения или наоборот недопущения такого поведения или представление обязанности, права, нормы, красоты, как чего-то вне нас существующего. Все это "эмоциональные фантазмы", продукты эмоциональной проекции. В реальном мире им ничего не соответствует. "Реально существуют только переживания этических моторных возбуждений в связи с представлениями известного поведения, например, лжи и т.п., и некоторыми иными представлениями тех субъектов, о поведении которых идет речь, и т.д." (Петражицкий, 2000). Из-за отсутствия, по мнению Л.И. Петражицкого, в психологической науке учения об эмоциях и их производных – эмоциональных фантазмах, а также тому, что "вообще человеческие склонности и привычки представления и мышления в этической области, а равно привычки названия, имена, и вообще склад человеческой речи покоятся на проекционной точке зрения, упорно исходят из реального существования проекций этических моторных раздражений" (Петражицкий, 2000) – юристы также стоят на проекционной точке зрения: фантазмы принимают за реальные события ("бывания") во внешнем мире и на этой почве строят свои учения о праве, нравственности и эстетических явлениях. К тому же юристы исходят из профессиональных привычек "называния", искусственно сужая область своего исследования.

Минимальный состав этических переживаний: акционное представление, т.е. представление (воображение) того или иного внешнего или внутреннего поведения (объектное представление) + этическое аппульсивное или репульсивное моторное раздражение. Но в состав этих переживаний могут входить еще и другие познавательные элементы, а именно:

1) представления релевантных фактов, т.е. условий обязательности известного поведения, по наличности или отсутствию которого этические переживания, суждения, убеждения, обязанности, нормы делятся на гипотетические и категорические;

2) представления нормоустановительных, или нормативных фактов, т.е. внешних авторитетов (например, обычая, закона), предписывающих известное поведение, по наличности или отсутствию их этические переживания, суждения и т.д. делятся на позитивные и интуитивные;

3) представления субъектов долга, обязанности.

Среди эмоциональных переживаний разных родов можно различать, с одной стороны, такие, которые представляются нашему сознанию как внутри нас по адресу чего-либо действующие или от нас исходящие моторные процессы – "внутренние" или "исходящие" импульсии, с другой стороны, такие, которые представляются нашему сознанию как извне исходящие и на нас воздействующие моторные процессы – "внешние" или "приходящие" импульсии (Петражицкий, 2000).

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в этических переживаниях: одни из них имеют в своей основе "внешние", другие – "внутренние" этические эмоции. Данное различие служит психологическим корнем двух разновидностей этических эмоций и, соответственно, двух видов этических эмоционально-интеллектуальных сочетаний и их проекций: обязанностей и норм. Эмоционально-интеллектуальные сочетания первого рода образуют право, их проекции – правовые обязанности и нормы, а сочетания второго рода – нравственность, их проекции – нравственные обязанности и нормы. "Наш долг в случаях первого рода представляется связанностью по отношению к другому, он закреплен за ним как его добро, как принадлежащий ему заработанный или иначе приобретенный им актив (*obligatio attributa, acquisita*). В случаях второго рода наш долг не заключает в себе связанности по отношению к другим, представляется по отношению к ним свободным, за ними не закрепленным (*obligate libera*)" (Петражицкий, 2000). Нравственность только обязывает – чисто императивные переживания, право не только обязывает, но и наделяет другого – императивно-атрибутивные переживания. Таким образом, правовые и нравственные явления друг от друга и от других явлений отличаются по характеру субъективных переживаний, а не по каким-то другим обстоятельствам (Петражицкий, 2000). В правовых переживаниях, в отличие от нравственных, кроме представления объектов и субъектов обязанностей, содержатся представления объектов и субъектов прав. Однако последние представления наряду с другими интеллектуальными элементами этических переживаний, за исключением представлений объектов обязанности, могут и отсутствовать в конкретных этических переживаниях. Единственное, постоянное и коренное различие между правом и нравственностью состоит в характере эмоций.

Установив, таким образом, понятия права и нравственности, как двух ветвей этики, Петражицкий сообразно своим методологическим требованиям старается обосновать научную ценность этих понятий приведением ряда характерных свойств и тенденций того и другого.

4. Соотношение права и нравственности в теории Л.И. Петражицкого

С точки зрения на право как психологическое явление неизбежно вытекает, что для наличия правового явления "не имеет никакого значения не только признание и покровительство со стороны государства, но и какое бы то ни было признание со стороны кого бы, то ни было. С точки зрения этого понятия и те бесчисленные императивно-атрибутивные переживания, и их проекции, которые имеются в психике лишь одного индивида и никому другому в мире неизвестны, а равно все те, тоже бесчисленные переживания этого рода, суждения и т.д." (Петражицкий, 2000). То же относится и к нравственности.

При решении вопроса о возникновении права, нравственности и т.п., их развитии, изменениях в содержании обязательного по праву или нравственным предписаниям поведения и тому подобных вопросов невозможно было бы игнорировать общество, социальную среду, и Петражицкий не только не игнорирует их, но особенностью его теории как раз и является изучение права как фактора и продукта социально-психологической жизни. Он говорит даже о законах массовой психологии, о процессах, аналогичных борьбе за существование и естественному отбору, которые он называет "эмоциональным подбором" (Петражицкий, 2000).

Утверждения же критиков психологической теории права в начале XX в., что право и схожие с ним явления, по воззрению Петражицкого, могут возникнуть у изолированного человека, вне общества, основано на совершенно произвольном и неосновательном толковании соответственного места "Теории права и государства...". Петражицкий говорит лишь, что "и такие императивно-атрибутивные переживания и их проекции, нормы и т.д., которые имелись бы у индивида, находящегося вне всякого общения с другими людьми... вполне подходили бы под установленное понятие права; точно так же как радости, печали, мысли такого человека не переставали бы быть радостями, печалью, мыслями вследствие его одиночества, отсутствия человеческого общества" (Петражицкий, 2000). Но это еще не значит, что право возникает и вне общества, у изолированного человека. Многие психические переживания, в частности, право и нравственность, не могут возникнуть вне общества и в этом смысле, а также в смысле их массового действия и значения, они социальны. Однако природа их, как и всех психических явлений, индивидуальна, т.к. психические явления существуют не где-то над, под или между людьми, а в внутри людей, в их душах, а таковыми обладают лишь отдельные люди – индивиды. Получается, что при решении вопроса о природе права и нравственности необходимо найти психические элементы этих явлений, местонахождением которых является психика индивида. О "социальной" же психике можно говорить не в смысле какой-то особой, самостоятельной психики, а лишь в смысле взаимодействия и общности содержания и проявлений индивидуальных психик. Для объяснения психологии толпы, происхождения языка, права, нравственности и других продуктов социально-психологической жизни нет надобности выдумывать какую-то особую, метафизическую величину – "социальную" психику: все это объясняется естественнее и научнее на почве существования индивидуальных психик и психического взаимодействия и взаимозаражения. Отсюда следует, что психика и ее продукты с течением времени претерпевают изменения, например, изменяется язык, содержание субъективных и объективных представлений правовых и нравственных переживаний, что в одно время признавалось обязательным, в другое время уже не имеет обязательного характера и т.д. Но эти материальные изменения не меняют природы психических явлений; последнее совершенно не зависит от того, что происходит в психике других индивидов, и существуют ли они вообще, в частности, радость остается радостью, чувство – чисто пассивным переживанием, эмоции – активно-пассивными, а право на всех ступенях развития культуры слагается из эмоций и представлений, всегда равных самим себе в формально-психологическом смысле.

Итак, право и нравственность у Петражицкого – явления индивидуальной психики, но они социальны по происхождению. Природа их раскрывается анализом психики индивида, изучение происхождения и законов развития и действия их требует изучения социальных условий их существования.

Сознание долга, обязанности, этическое сознание или этические переживания слагаются из представления какого-либо поведения и особых отвергающих или одобряющих это поведение эмоций долга. Сверх представлений определенного поведения (или объектов обязанности) в составе этических переживаний могут присутствовать иные представления: представления субъектов обязанности, условия, от наличия которых зависит обязательность определенного (известного) поведения, различные внешние авторитеты и факты, устанавливающие его обязательность. С природой этических эмоций связано проецирование внутренних переживаний вовне в качестве объективно существующих, а на самом деле мнимых реальностей – обязанностей и норм.

Наблюдая различные случаи сознания долга, обязанности, Л.И. Петражицкий отмечает следующие: "в некоторых случаях этического сознания то, к чему мы себя считаем обязанными, представляется нам причитающимся другому как нечто ему должное, следующее ему от нас, так что он

может притязать на соответствующее исполнение с нашей стороны" (Петражицкий, 2000). Так, по его мнению, обыкновенно переживается обязанность уплатить установленную плату рабочему или прислуге, отдать взятое взаймы. "В других случаях этического сознания, например, если мы считаем себя обязанными оказать денежную помощь нуждающемуся, дать милостыню и т.п., то, к чему мы себя считаем обязанными, не представляется нам причитающимся другому как нечто *ему* должное, следующее ему от нас" (Петражицкий, 2000).

В первом случае обязанность одного закреплена за другим, как его добро, его право. Соответственные нормы, устанавливая обязанность для одного, закрепляют эту обязанность за другим, дают ему право, притязание. Такие обязанности и нормы Петражицкий называет правовыми, а лежащие в их основе и порождающие их эмоционально-интеллектуальные сочетания – правом в реально-психологическом смысле.

Во втором случае обязанность одного не закреплена за другим и представляется по отношению к нему свободной, а нормы, устанавливающие такие обязанности, предписывают одним известное поведение, но не дают другим никакого притязания на исполнение, никаких прав. Эти обязанности и нормы Петражицкий называет нравственными, а соответственные эмоционально-интеллектуальные сочетания – нравственностью в реально-психологическом смысле.

Нравственные переживания и нормы являются чисто императивными, правовые – императивно-атрибутивными.

Нравственность представляет собой эмоцию одностороннего характера. Переживающий моральную эмоцию человек свободно определяет себя как обязанную сторону по отношению к самым разнообразным субъектам: обществу, общественным институтам, отдельным людям и группам людей, человечеству в целом. С точки зрения переживающего свою обязанность указанные субъекты не могли со своей стороны притязать на его действия или бездействия, на доставленные им имущественные или духовные блага. Свободное, добровольное самоопределение носителя эмоции (в виде побудительного импульсивного процесса в организме), не связанного встречным притязанием, составляло существо морали как разновидности этического. Отсутствие переживания активных притязаний со стороны других делало нравственность (мораль) системой более пассивных эмоций, нежели чем право. В отличие от правовой психики, нравственная психика всегда более мирная, поэтому мораль как особое эмоциональное состояние появилось в обществе на более поздних этапах его развития; исторически право старше морали (Петражицкий, 2000).

Продолжая анализировать этические переживания, автор психологической теории находит объяснения указанных различий сознания долга в различии эмоционального элемента соответственных переживаний. По его мнению, эмоции, лежащие в основе сознания наших правовых обязанностей по отношению к другим, относятся к разряду внешних (в условном смысле), приходящих к нам извне и добывающих от нас известное поведение для другого; эмоции же, лежащие в основании сознания наших нравственных обязанностей, относятся к разряду внутренних "понуканий" к соответственным действиям. Этому соответствуют и этим объясняются не только указанные различия в проекциях (обязанностях и нормах) правовых и нравственных переживаний, но и различия в интеллектуальном их составе. В правовых эмоционально-интеллектуальных сочетаниях сверх представлений объектов и субъектов обязанностей могут находиться представления субъектов и объектов прав, им свойственна парность объектных и субъектных представлений.

Установленные таким образом понятия права и нравственности, очевидно, не зависят от чьих-либо представлений о существовании этих явлений и привычек называть что-либо правом или нравственностью. Но вследствие того, что удалось отыскать как раз те психические акты, которые лежат в основе человеческих представлений об обязанностях и правах и т.д., получилось почти полное соответствие общепринятого применения слов "право", нравственная обязанность установленным видам этического сознания.

Следуя своим методологическим требованиям, Л.И. Петражицкий не останавливается на установлении понятий права и нравственности, а стремится обосновать научность выделения в этике составных частей, как средства и базиса для правильного познания и объяснения явлений. С этой целью он раскрывает целый ряд характерных свойств и особенностей права и нравственности, объясняющихся специфической природой каждого из этих видов этики и с нею причинно связанных, другими словами, создает ряд адекватных изучаемой проблеме теорий, например, устанавливает различия мотивационного и воспитательного действия права и нравственности, различное их отношение к исполнению и неисполнению обязанностей, их различную роль как факторов социально-психической жизни.

По мнению Петражицкого, различие между правом и нравственностью состоит в большей эффективности регулятивных возможностей первого. "Оказывая более сильное и решительное давление на поведение, вызывая социально желательное поведение и не допуская злого и вообще

противообщественного поведения более успешно и неуклонно, чем нравственность, право тем самым более успешно укрепляет социально желательные привычки и склонности и искореняет противоположные элементы характера; вообще оно оказывает соответственно более неуклонное и сильное воспитательное действие на индивидуальную и массовую психику, чем нравственность" (Петражицкий, 2000). Нравственность в сравнении с правом как вид беспритязательной психики представляет собой очень "высокую и идеальную психику", но именно вследствие одностороннего порядка нравственная психика уступает правовой по уровню эффективности. "В обществе принято относиться к праву как к чему-то низшему по сравнению с нравственностью, менее ценному, менее достойному уважения" (Петражицкий, 2000). Однако именно право как более активная регулятивная ветвь этики способно создать более умиротворенный социальный порядок в обществе.

Из всех исторических форм морали самой высокой и труднодостижимой этот юрист считал христианство, поскольку оно воспитывает психику без злобных и эгоистических реакций.

Критерий разграничения права и нравственности, предложенный Л.И. Петражицким, не выявлял оценочных форм внутренней регуляции поведения личности: грех, стыд, вина. Мораль в его теории описывалась без использования категорий добра и зла, вследствие чего отсутствовала тавтология, т.к. вводился новый компонент – эмоция. Право рассматривалось в его теории не как минимум морали, защищенный средствами государственного принуждения. Мораль трактовалась как эмоция, возникающая исторически на более позднем этапе, влекущая беспритязательный стереотип поведения. Из феномена морали исключались взаимные договорные обязательства, например, человека и Бога, человека с человеком, человека с институтами власти и т.п.

Поэтому оба стереотипа поведения, мотивированные эмоциями разного типа, существовали как равноположенные. Вместе с тем как оба вида эмоций, так и поведенческие стереотипы были проникнуты единым социальным, "человечным" свойством. Это позволило Петражицкому охватить их понятием "этические эмоции". В глазах исследователя общество, большинство членов которого было проникнуто неагрессивными эмоциями, что продуцировало неагрессивное поведение, было не безличным социумом. Оно представляло как "этос".

Разъясняя свою концепцию морали, Л.И. Петражицкий подчеркивал целостность массива моральных эмоций, его дальнейшую нерасщепляемость, несводимость, например, к элементарному чувству наслаждения (т.е. гедонизму), эгоизму.

Решение извечной проблемы, почему человеческие существа действуют аморально, этот исследователь видел не в фактах аморальности, а в движении к пониманию субстрата морали. "И по моей теории, как и по господствующим учениям, негодяи руководствуются своими личными целями, пользуются бесчестными средствами, ложью, клеветой... Но по моей теории, в отличие от господствующей, негодяи, люди с нормально развитым этическим сознанием, руководятся вовсе не только гедонистическими и эгоистическими мотивами, а и мотивами более высокого свойства; в частности, в них действуют констатированные мною специфические моторные возбуждения, эмоции нравственные, правовые и т.д." (Петражицкий, 1910).

5. Заключение

Можно не разделять позицию этого исследователя как гиперболизирующую роль эмоционального фактора в учении не только о праве, но и морали. Вместе с тем позиция Петражицкого отличается не только оригинальностью интерпретации морали как постправового феномена. Поскольку в нашей науке целенаправленных исследований эмоционального аспекта морали недостаточно, постольку вариант теории этого юриста при всех разногласиях с ним может рассматриваться как обладающий определенной научной результативностью.

Л.И. Петражицкий останется в истории русской правовой мысли как один из самых сильных противников теоретического огосударствления права и в то же время как ученый, утвердивший представление о его самостоятельной природе. Сохраняет свое значение и идея Петражицкого о том, что атрибутивная сторона права (сознание правомочия) является главным психологическим фактором активного социального поведения, направленного на его реализацию и защиту, в отличие от пассивной мотивации, связанной с сознанием выполненного долга.

Литература

- Виноградов Н.** Проф. Л.И. Петражицкий "Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии". *Критическое обозрение*, вып. I(VI), с.28-30, 1908.
- Дембский Д.** "Философия права и нравственности" проф. Л.И. Петражицкого. *Харьков, тип. Б. Бенгис*, с.4, 7-11, 1909.

- Орженецкий Р.** Теория права и государства проф. Л.И. Петражицкого. *Вопросы философии и психологии*, кн.91, с.111-135, 1908.
- Палиенко Н.И.** Нормативный характер права и его отличительные признаки. К вопросу о позитивизме в праве. *Ярославль, тип. губ. правл.*, с.17, 21-25, 1905.
- Палиенко Н.И.** Учение о существе права и правовой связанности государства. *Харьков, тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья*, с.138-145, 202-226, 270-280, 1908.
- Петражицкий Л.И.** Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. *СПб., тип. Ю.Н. Эрлих*, с.1-8, 10-11, 15-16, 34, 41, 56, 66-71, 87, 110, 135, 1905.
- Петражицкий Л.И.** Новое учение о праве и нравственности и критика проф. В.И. Сергеевича. *СПб., Сенатская тип.*, с.58, 1910.
- Петражицкий Л.И.** Теория права и государства в связи с теорией нравственности. *СПб., Лань*, с.23, 26, 35, 45-46, 51-52, 57-58, 71, 85-86, 99, 100, 129, 133-134, 145, 598, 2000.
- Петражицкий Л.И.** Что такое право? *Вестник права*, № 1, с.6, 7, 1899.
- Рейснер М.А.** Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. *СПб., Тип. т-ва "Общественная польза"*, с.46-68, 1908.
- Трубецкой Е.Н.** Философия права профессора Л.И. Петражицкого. *СПб., Изд-во Рус. хр. гум. ин-та*, с.485, 2001.
- Хвостов В.М.** Этюды по современной этике. *М., тип. т-ва И.Д. Сытина*, с.178-207, 1908.